

Джек Лондон

Жена короля



Сын Волка

Джек Лондон
Жена короля

«Public Domain»

1899

Лондон Д.

Жена короля / Д. Лондон — «Public Domain», 1899 — (Сын Волка)

«В старину, когда Север был еще молод, социальные и гражданские добродетели были немногочисленны и весьма просты. Когда бремя домашних забот становилось слишком тягостным и тихая грусть у камелька превращалась в непрерывный протест против мрачного одиночества, южные искатели приключений, за неимением лучшего, платили установленную цену и взамен получали туземных жен. Для женщин это было как бы предвкушением царствия небесного, так как — надо отдать справедливость белым проходимцам — они лучше обращались с женами и больше заботились о них, чем их краснокожие соперники. Белые, конечно, тоже были довольны такого рода сделкой; радовались и индейцы. Продав своих дочерей и сестер за шерстяные одеяла и устаревшие ружья, променяв свои теплые меха на тонкий коленкор и дрянной виски, дети природы скоро и беззаботно умирали от истощения и иных заболеваний, связанных с благодатью высшей цивилизации...»

Джек Лондон

Жена короля

* * *

I

В старину, когда Север был еще молод, социальные и гражданские добродетели были немногочисленны и весьма просты. Когда бремя домашних забот становилось слишком тягостным и тихая грусть у камелька превращалась в непрерывный протест против мрачного одиночества, южные искатели приключений, за неимением лучшего, платили установленную цену и взамен получали туземных жен. Для женщин это было как бы предвкушением царствия небесного, так как – надо отдать справедливость белым проходимцам – они лучше обращались с женами и больше заботились о них, чем их краснокожие соперники. Белые, конечно, тоже были довольны такого рода сделкой; радовались и индейцы. Продав своих дочерей и сестер за шерстяные одеяла и устаревшие ружья, променяв свои теплые меха на тонкий коленкор и дрянной виски, дети природы скоро и беззаботно умирали от истощения и иных заболеваний, связанных с благодатью высшей цивилизации.

Во дни этой аркадской простоты Кол Галбрет странствовал по тем местам и заболел на низовьях реки. Это было освежающим событием в жизни добрых сестер Святого Креста, которые дали ему убежище и лекарство, хотя им и не снилось, какой горячий эликсир вливается в его жилы от прикосновения их мягких рук и от нежного ухода. Кола Галбрета стали волновать странные мысли, не покидавшие его, пока он не остановил своих взоров на Медилайн, одной из барышень Миссии. Однако он ничем не выдавал себя и терпеливо выжидал удобный момент. С наступлением весны он окреп, и, когда солнце пустилось в небесах по золотому кругу, а по всей стране расплескалась радость и забилась жизнь, он напряг свое еще слабое тело и уехал.

Медилайн – барышня в Миссии – была сиротой. Ее белый отец однажды не уступил дороги серому медведю и незамедлительно умер. Тогда мать ее, индианка, за неимением мужчины, который бы наполнил ее кладовую на зиму, пустилась на рискованный эксперимент и решила переждать до движения лососей с пятьюдесятью фунтами муки и двадцатью пятью солонины. Вскоре маленькая Чук-Ра появилась на свет с помощью добрых сестер и должна была впоследствии носить другое имя.

Но у Медилайн все же еще были родные, ближайшим из коих считался забулдыга-дядя, разрушавший свои жизненные силы непомерным количеством привезенного белыми людьми виски. Каждый день он пытался вознестись в обитель богов, и, сообразно этому, ноги его искали кратчайшего пути к могиле. В трезвом виде он испытывал ужасные муки. Совести у него не было. Вот к этому-то престарелому прощелыге и явился Кол Галбрет с официальным визитом, и в последовавшем затем разговоре они извели много слов и много табаку. Были произнесены взаимные обещания, и в результате старый язычник захватил несколько фунтов сухой лососины, сел в свое каноэ из березовой коры и поплыл по направлению к Миссии Святого Креста.

Свету не дано знать, какие обещания он дал и что именно он наврал (сестры ведь никогда не сплетничают), но, когда он возвращался, на его черноватой груди висело медное распятие, а в каноэ сидела его племянница Медилайн. В ту же ночь была отпразднована пышная свадьба и потлач, так что в следующие два дня никто в деревне не ловил рыбы. Но уже наутро после свадьбы Медилайн отрясла с мокасин своих прах низовьев реки и вместе со своим супругом,

отпихиваясь баграми, перебралась на жительство к верховьям, в местность, именуемую Лоуэр-Коунтри. И во все последующие годы она была хорошей женой, делила с мужем все тяготы и варила ему пищу. Она не позволяла ему сбиться с пути, пока он не научился копить золотой песок и упорно работать. Наконец он разбогател и построил барак в Сёркле; и так велико было его счастье, что люди, навещавшие его в семейном кругу, сильно ему завидовали.

Но Север начинал входить в возраст, и появились прелести цивилизации. До сих пор Юг посылал только своих сыновей, теперь же он изрыгнул новое нашествие – дочерей. Они не были ни сестрами, ни женами, но им удалось вбить мужчинам в головы новые идеи и наладить строй всей жизни согласно своим собственным привычкам. Туземные женщины уже не сходились для плясок, не кружились с шумом по центральной площади в добром старом Вирджиниариле и не наслаждались веселым «Дэн Тэккером». Они снова впали в свой национальный стоицизм и жалобно наблюдали из бараков за нравами белых сестер.

Затем новое нашествие последовало через горы с плодоносного Юга. На этот раз появились женщины, получившие большую власть в стране. Слово их было законом, а закон их был стальным. Они сурово относились к женам-туземкам, в то время как первые пришельцы смягчились и вели себя тихо. Нашлись трусы, которые устыдились своего сожительства с дочерьми этой страны и стали глядеть с отвращением на своих темнокожих детей; но были и другие – были мужчины, которые остались верными и гордились своими туземными браками. Когда вошло в обычай разводиться с женами-туземками, Кол Галбрет сохранил свое мужское достоинство и за это почувствовал на себе тяжелую руку женщин, позже всех пришедших, меньше всех знавших, но управлявших страной.

В один прекрасный день Эппер-Коунтри, которая лежит много выше Сёркла, была объявлена богатой местностью. Собачьи упряжки возвестили об этом Соленым Водам. Нагруженные золотом суда повезли приманку по Тихому океану; кабели и провода пели об этом; и мир впервые услышал про реку Клондайк и побережья Юкона.

Кол Галбрет спокойно жил все эти годы. Он был для Медилайн хорошим мужем, и она принесла ему благословение. Но затем им овладело какое-то недовольство. Он испытывал смутную тоску по людям своего племени, по жизни, из которой был исключен, неопределенное, порой охватывающее человека желание порвать со всем и снова вкусить зарю жизни. А между тем вниз по реке шли дикие слухи о чудесном Эльдорадо, яркие описания города, палаток и землянок и комические рассказы про разных че-ча-квас'ов, прибывавших массаами и ставивших вежи по всей стране. Сёркл вымер. Все ушли вверх по реке и образовали новый и удивительный мир.

Кол Галбрет в конце концов тоже забеспокоился и пожелал убедиться собственными глазами. Поэтому после промывки он отвесил на больших весах Компании две сотни фунтов песку и взял чек на Доусон. Затем он поручил надзор за своим рудником Тому Диксону, поцеловал на прощание Медилайн, обещал вернуться до первого ледохода и взял билет на пароход.

Медилайн ждала, прождала все три месяца, пока светило солнце. Она кормила собак, уделяла много времени маленькому Колу, смотрела, как умирало короткое лето и как солнце пустилось в свой далекий путь к Югу. Она много молилась, по обычаю сестер Святого Креста. Темные дни наступили, а с ними появилась и ледяная кора на Юконе, и короли Сёркла возвращались на зимнюю работу в рудниках, но Кола Галбрета не было. Правда, Том Диксон получил письмо: его люди привезли ей на санках новый запас сухой сосны на зиму. И Компания получила письмо, ибо собачьи упряжки привезли для кладовых Медилайн самую лучшую провизию, причем Компания уведомила, что ее кредит неограничен.

Во все времена мужчина считался главной причиной женских страданий. Мужчины держали язык за зубами, поругивая лишь одного из своих отсутствующих собратьев; что же касается женщин, они не думали им в этом подражать. Поэтому Медилайн без излишних про-

волочек услышала странные вести о похождениях Кола Галбрета и, между прочим, о некоей греческой танцовщице, которая будто бы играет с людьми, как дети с куклами. Медилайн же была индианкой, и у нее не было ни одной подруги, у которой бы она могла спросить разумного совета. Она поочередно то молилась, то строила какие-то планы. Но однажды ночью она решилась, запрягла собак и, крепко привязав к саням маленького Кола, тайком выбралась из города.

Хотя Юкон еще не был закован, однако береговой лед все нарастал, и с каждым днем река все больше превращалась в мутный ручеек. Только тот, кто сам это проделал, может знать, что вынесла Медилайн во время перехода в сто миль по береговому льду; никто другой не поймет тех трудностей и мучений, с какими она преодолела еще двести миль по крепкому льду, образовавшемуся после того, как река замерзла по-настоящему. Но Медилайн была индианкой, со всем этим она справилась, и вот однажды вечером раздался стук в дверь Мэйлмюта Кида. Кид накормил свору изголодавшихся собак, уложил спать здорового мальчугана и затем обратил свое внимание на истомленную женщину. Стягивая с нее обледенелые мокасины, он слушал ее рассказ и покалывал острием ножа ее ноги, чтобы узнать, до какой степени они отморожены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.